

VITA NUOVA В НОВОЙ ЖИЗНИ.
ЮНОШЕСКАЯ КНИГА ДАНТЕ В СТАЛИНСКОЙ РОССИИ

Кристина Ланда

Книга Данте *Vita Nuova*¹ была впервые полностью переведена на русский язык в 1893 г. анонимно,² затем в 1895 г. А.П. Федоровым;³ переложение последнего сильно критиковалось, в частности, И.Н. Голенищевым-Кутузовым⁴ и М.Л. Андреевым.⁵ В Серебряном веке, несмотря на большой интерес символистов к дантовской книге, ее новых полных переводов не появилось.⁶ Второй полный перевод был выпущен М.И. Ливеровской в

¹ Мы используем вариант прочтения *Vita Nuova*, следуя канонической версии, представленной на сайте Дантовского общества (Società Dantesca Italiana): *Alighieri D. Vita Nuova // Le Opere di Dante. A cura di M. Barbi. Firenze, Società Dantesca Italiana, 1960* <<https://www.danteonline.it/opere/index.php>>.

² *Алигиери Д. Новая жизнь // Триумфы женщины. Из мира песен и любви. Овидий, Данте, Петрарка и Боккаччио. Сост. С. СПб., 1893. С. 206-291.*

³ *Алигиери Д. Обновленная жизнь. Пер. А.П. Федорова, СПб., Типография Дома призрения малолетних бедняков, 1895. Ср. о переводчике более подробно: Ланда К. *Божественная Комедия* в зеркалах русских переводов. К истории рецепции дантовского творчества в России. СПб., РХГА, 2020. С. 215-226.*

⁴ Ср. *Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М., Наука, 1971. С. 501.*

⁵ Ср. *Андреев М.Л. Новая жизнь Данте в русских переводах // Studia Litterarum, 2022. 7/2. С. 30.*

⁶ Переводы отдельных фрагментов публиковались В. Соловьевым, Вяч. Ивановым, Эллисом, К. Бальмонтом. Ср. *Из Vita nuova, Данте. Пер. В. Соловьева // Соловьев В. Стихотворения. М., Университетская типография, 1891. С. 59; Всем, чья душа в плену, чье сердце благородно... // Гаспари А. История итальянской литературы. Пер. К. Бальмонта. М., Издательство Солдатенкова, 1895. Т. 1. С. 193; Канцона XXIII (Из *Vita Nuova*). Пер. Эллиса // *Эллис. Иммертели. М., Типография Моск. Гор. Арнольдо-Третьяковского училища глухонемых, 1904. Вып. 2. С. 83; Всем данникам умильным, чистым слугам... Пер. Вяч. Иванова // Труды и дни, 7 (1914). С. 81-82. О символистских переводах *Новой жизни* ср. *Лаппо-Данилевский К.Д. Переводы Вячеслава Иванова из *Новой жизни* Данте // Studia Litterarum. 7/4 (2022). С. 292-315; Черкасова Е.А. В.С. Соловьев – переводчик Данте (о***

разгар Гражданской войны, в 1918 г.,⁷ а третий был опубликован А.М. Эфросом в издательстве *Academia* в 1934 г.⁸ Уже в 1968 г. в издательстве *Наука* вышел авторитетный перевод И.Н. Голенищева-Кутузова в составе других малых произведений Данте.⁹

Сами переложения *Новой жизни* уже вызывали интерес ученых с лингвостилистической точки зрения – в частности, сопоставительный анализ переводов Ливеровской, Эфроса и Голенищева-Кутузова проводился М.Л. Андреевым (ср. сноску 5). В меньшей степени, однако, были изучены паратексты к переводам *Новой жизни*.¹⁰ Между тем, рассмотрение паратекстов имеет принципиальное значение для исследования рецепции иностранных текстов в принимающей культуре в более широкой перспективе, включающей экстралингвистические, в частности, социокультурные, факторы.¹¹

Предметом анализа в настоящей работе является вступительная статья А. Эфроса к его переводу *Новой жизни* в контексте издательской дея-

двух переводах из *Vita Nuova*) // Соловьевские исследования, 73/1 (2022). С. 40-54; Глухова Е., Поляков Ф. Сонеты из *Vita nuova* Данте в ранних переводах Эллиса // *Vienna Slavic Yearbook*. 2017. 5. Р. 185-216; Орлицкий Ю.Б. *La Vita nuova* Данте в восточнославянских переводах // Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай: да 750-годдзя са дня нараджэння Дантэ Аліг’еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча: матэрыялы XII Міжнар. Навук. канф., Мінск, 22-24 кастр. 2015 г.: у 2 ч. Мінск, БДУ, 2016. Ч. I. С. 26-40; Шишкин А.Б. Пламенеющее сердце в поэзии Вячеслава Иванова и дантовское видение “Благословенной жены” // Дантовские чтения 1995. Под ред. А.А. Илюшина. М., Наука, 1996. С. 95-114; Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist’s perception of Dante. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1989, pp. 234-248; Davidson P. Vyacheslav Ivanov’s Translations of Dante // *Oxford Slavonic Papers*. 1982. 15. Р. 103-131.

⁷ *Алигьери Д.* Новая жизнь. Пер. М. Ливеровской. Самара, Типография Штаба 4-й армии, 1918.

⁸ *Алигьери Д.* Новая жизнь. Пер. А. Эфроса. М., Academia, 1934.

⁹ *Алигьери Д.* Новая жизнь. Пер. И.Н. Голенищева-Кутузова // *Алигьери Д.* Малые произведения. М., Наука, 1968. С. 7-53.

¹⁰ О них лишь кратко говорится в упомянутой выше статье: Орлицкий Ю.Б. *La Vita nuova* Данте в восточнославянских переводах. С. 26-40.

¹¹ Мы используем термин Ж. Женетта “паратекст” в широком смысле, обозначая им все тексты, создаваемые *ad marginem* художественного перевода, в данном случае, предисловие самого переводчика и рецензии критиков. Ср. *Genette G.* *Seuils*. Paris, Éditions du Seuil, 1987. Р. 14; о метатекстуальной функции паратекстов ср. *Зенкин С.* Теория литературы: проблемы и результаты. М., НЛЮ, 2018. С. 149; о значении паратекстов для изучения социокультурных факторов художественного перевода ср. *Lefevere A.* *Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame*. London, Routledge, 1992. Р. 6-8.

тельности *Academi'u*, дидактической литературы 30-х гг. и сталинской литературной критики. Паратекст Эфроса представляет особый интерес, так как по нему можно судить, при помощи каких стратегий могло быть адаптировано (успешно или нет) к запросам сталинского общества произведение, которое по определению *Дантовской энциклопедии* является “важным этапом развития христианского реализма”¹² и сочетает в себе жанровые признаки агиографии, библейского текста и светской куртуазной словесности.¹³

Место *Новой жизни* в планах издательства *Academia* и в советских учебниках по итальянской литературе

Перевод Эфроса вышел в издательстве *Academia* под редакцией А.К. Дживелегова в 1934 г., т.е. на следующий год после публикации самим Дживелеговым первой монографии о Данте в советской печати.¹⁴ Для *Academi'u* этот период оказался особенно богат на выпуск итальянской классики.¹⁵ В самом деле, еще до того, как в 1935 г. Отдел печати ЦК ВКП(б) вынудил издательство ограничиться работой с классическими произведениями мировой литературы, в области итальянской словесности это правило уже действовало: авторов фашистской Италии после 1932 г. *Academia* не публиковала.¹⁶ Однако большинство из напечатанных в 1934 г. текстов относились к историко-политической, философской и сатирической прозе гуманистов, на фоне которой *Новая жизнь*, пронизанная библейскими и мистическими мотивами, выглядела исключением, хотя изначально и не должна была таковым являться.

В самом деле, “издательству не удалось до конца выполнить свою

¹² Pazzaglia M. Vita Nuova // Enciclopedia Dantesca, a cura di U. Bosco. Roma, Treccani, 1984. Vol. 5. P. 1094. Здесь и далее перевод с иностранных языков на русский, кроме отдельно оговоренных случаев, наш. – К.Л.

¹³ Ср. Там же.

¹⁴ Дживелегов А. К. Данте Алигиери. М., Журнально газетное объединение, 1933.

¹⁵ Ср. Крылов В., Кичатова Е. Цветы во льдах Арктики. Вместо предисловия // Крылов В., Кичатова Е. Издательство *Academia*. Люди и книги. 1921-1938-1991. М., Academia, 2004. С. 94-96.

¹⁶ Ср. Янсон Я. Письмо Горькому А.М. от 1935, июля 4. Москва. ИМЛИ. *Academia*. КГ-изд 2-43-3. Л. 1; Янсон Я. Письмо Талю, Юдину и Бубнову от 1935, июля 3. ИМЛИ. *Academia*. КГ-изд 2-43-3. Л. 2. Ср. также: *Academia* в 1935 году // Книга и пролетарская революция, 4, (1936). С. 147-148; Пац М.В. Издательство *Academia*. Заметки библиофила // “Academia”. 1922-1937. Выставка изданий и книжной графики. М., Книга, 1989. С. 17-18.

программу изданий”¹⁷, что в полной мере коснулось и итальянских авторов Средних веков. В списке книг для публикации за 1931 г., подписанном А.К. Дживелеговым и утвержденном правлением *Academia*, числились не только *Новая жизнь*, но и *Цветочки* Франциска Ассизского, и *Сонеты* Петрарки; правда, примечательно, что все эти тексты были включены в раздел *Возрождение*.¹⁸ Зато в *Плане изданий по литературе средних веков* от 1932 г. в разделе *Основная библиотека – Бесспорные классические произведения* значились *Сицилийцы и тосканцы (Приложение Испанская)* и *порт. Угальская трубадурская лирика* и *Данте: Божественная Комедия (3 т.) пер. М. Лозинского, С. Соловьева и С. Шервинского*.¹⁹ Там же, в разделе *Дополнительный план*, под заголовком *Произведения, не вошедшие в основной план из-за своей религиозной окраски, но отличающиеся большим историко-литературным весом и социальной насыщенностью*, фигурировали *Поэзия 1-го Возрождения, Начало городской, урбанистической л-ры (в Италии)* и *Предшественники Данте. – Сборник видений и фантастических путешествий от VI до XII в. – (Сборник с предисловием, комментариями и пр. совершенно готов к печати)*.²⁰

Из всех этих замыслов в тридцатые годы реализованы были только два: *Ад* в переводе Лозинского²¹ и *Новая жизнь* в переводе Эфроса. Очевидно, что и эти проекты не состоялись бы без признания Данте со стороны советских литераторов великим политическим поэтом, предтечей соцреализма.²² Однако встает вопрос, насколько легко, даже в свете такого признания, было оправдать в рамках сталинской культуры издание *Новой жизни*, сюжет которой строится на истории мистической любви, ведущей к духовному прозрению, и, в отличие от поэмы, не содержит политической сатиры. Для ответа на него целесообразно обратиться к репрезентации текста в дидактической и историко-литературной прозе тридцатых годов.

¹⁷ Крылов В., Кичатова Е. Цветы во льдах Арктики. Вместо предисловия. Цит. С. 4.

¹⁸ Список книг, намеченных к изданию на ближайшие три года. Античная литература, литература средневековья и эпохи Возрождения [1931]. ИМЛИ. *Academia*. КГ-изд 2-33-1. Л. 5.

¹⁹ План по литературе средних веков. 1932, мая 29. Машинокопия с подписью Ярхо Б. Правка и пометка А. М. Горького. ИМЛИ. *Academia*. КГ-изд 2-23-1. Л. 1-2.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Алигьери Д. Ад. Пер. М. Лозинского. М., Гослитиздат, 1939.

²² Ср. об этом более подробно Ланда К. Канонизированный и непринятый Данте. К истории рецепции и цензуры *Божественной Комедии* в СССР (1920-е – 1950-е гг.) // *Studi Slavistici*. 2021. 18. P. 151-156.

В *Хрестоматии по истории западноевропейской литературы* 1929 г. П.С. Когана в главе о Данте о *Новой жизни* не упоминается ни словом.²³ В учебнике по итальянской литературе С.С. Мокульского 1931 г. она удостоивается всего половины строки: “Данте дал образцы не только поэзии, но и художественной прозы, повествовательной (*Новая жизнь*) и дидактической, научной (*Пур*)”.²⁴ В *Очерке развития западных литератур* В.М. Фриче (впервые вышедшем в 1908 г. и переиздававшемся с 1922 до 1936 гг.), подчеркивается абстрактный характер *Новой жизни* как выражения аскетической и аристократической культуры; утверждение Боккаччо, что Беатриче была земной женщиной, по мнению Фриче, ни на чем не основано; книга носит абстрактный характер; в ней “все реальное старательно затушено. Все будничное окутано дымкой таинственного”.²⁵ Однако совсем иная интонация звучит в книге А.К. Дживелегова, который сопоставляет образ Беатриче по его жизненности с женщинами из новелл Боккаччо, “что бы ни говорили биографы-агиографы ‘божественного певца’”.²⁶ Как видно, Дживелегов избирает иную стратегию, в духе времени: не помещать Данте в ряд ‘устаревших’ поэтов феодализма, а утверждать его актуальность для советского читателя, выделяя реалистические черты в его творчестве. Примечательно также, что автор первой советской монографии об Алигьери видит значение *Новой жизни* в разработке нового поэтического языка, который позднее будет использован и в *Комедии*: согласно Дживелегову, истоки этого языка коренятся в народной поэзии, в творчестве “неученых”²⁷ Чекко Анжольери и Гвидо Орланди. Центральные сонеты *Новой жизни* отличаются “простота и ясность”,²⁸ умение легко объяснять сложные вещи.

В этой связи любопытно вспомнить, что книга Дживелегова о Данте выходит в тот же год, когда в журнале *Литературная учеба* появляется статья М. Горького *О прозе*, где он упрекает современных авторов за порчу языка, ставя им в пример простой и ясный язык классиков.²⁹ Эта

²³ Коган П.С. Хрестоматия по истории западноевропейской литературы. М., Л., Госиздат, 1929.

²⁴ Мокульский С. Итальянская литература. М., ГИХЛ, 1931. С. 13.

²⁵ Фриче В.М. Очерки по истории западноевропейской литературы. М., Польза, 1908. С. 19.

²⁶ Дживелегов А.К. Данте. М., Журнално-газетное объединение, 1933. С. 46.

²⁷ Там же. С. 40.

²⁸ Там же. С. 59.

²⁹ Ср. Гюнтер Х. Советская литературная критика и формирование эстетики социализма: 1932–1940 // История русской литературной критики. / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., НЛО, 2011. С. 253.

статья открывает целую дискуссию о стиле художественных произведений, развернувшуюся на страницах советских газет в 1934 г. Как указывает Х. Гюнтер,

Пушкинская, классическая линия должна была, через реализм и Горького, найти свое продолжение и достичь апогея в соцреализме. В литературе и искусстве опасность исходила прежде всего от неоднозначности, непрозрачности, в чем – не без основания – виделся источник диссидентства и возможность “идеологической контрабанды” [...] Другой не менее важной целью борьбы с натуралистическим “засорением” языка и орнаменталистской “бессмыслицей” было приспособление литературы к педагогическим функциям. Соцреализм исходил из того, что эти функции могут быть реализованы лишь при условии доступности (понятности) литературы...³⁰

Ясно, что в таком контексте идея ясности дантовского языка (пусть и только центральных сонетов) могла выглядеть как дополнительное оправдание перевода в глазах советской критики.

Идея реализма *Новой жизни* раскрывается и в учебнике театроведа А.А. Гвоздева, согласно которому сладостный новый стиль выражает “идеологию буржуазной аристократии итальянских городов на исходе средневековья”.³¹ Интенция книги интерпретируется здесь как возвеличивание земной любви, осужденной церковью, со стороны городской буржуазии; в этом предпочтении здоровой страсти религиозному аскетизму и заключается смысл выражения “новая жизнь”. Определяя Данте, вслед за Энгельсом, как первого поэта нового времени, Гвоздев называет его “страстно ищущим выхода за пределы ограниченного круга церковно-монашеской культуры”.³²

Перемена отношения советских литературоведов к *Новой жизни* вписывается в общую смену курса советской литературной критики. Как указывал С. Мокульский в *Литературной энциклопедии*, “взгляд на Данте как на поэта восходящей буржуазии (впервые эту точку зрения обосновал А.В. Луначарский [...]) не является в марксистском литературоведении единственным: для В.М. Фриче Данте – поэт нисходящего феодализма”.³³ Однако оптика Фриче к 1934 г. была подвергнута существенному пересмотру. Если в предисловии к переизданию его *Очерка*

³⁰ Там же. С. 259.

³¹ Гвоздев А.А. История западноевропейской литературы. Средние века и Возрождение. М., Государственное учебно-педагогическое издательство, 1935. С. 62-63.

³² Там же. С. 60.

³³ Мокульский С. Итальянская литература // Литературная энциклопедия. / Отв. ред. А.В. Луначарский. Т. 4. М., Издательство Коммунистической академии, 1930. С. 656-657.

1930 г. утверждалось, что “Последующее развитие марксистской науки в области западных литератур будет идти в направлении концепции, данной т. Фриче”,³⁴ то в предисловии к изданию 1934 г. уже отмечалось, что современное марксистское литературоведение далеко ушло “от тех позиций, на которых строили свои курсы истории западной литературы П.С. Коган и В.М. Фриче”.³⁵ В анонимном предисловии 1936 г. Фриче уже напрямую обвиняли в игнорировании “влияния народной литературы на творчество крупных писателей прошлого”³⁶ и в отказе от многих сокровищ классического наследия.³⁷

Изменение интонации в предисловиях к книге Фриче отражает формирование нового отношения к классической традиции, присутствующего в работах и Дживелегова, и Гвоздева. Оба ученых, признавая *Новую жизнь* важной частью дантовского творчества, видят в ней не памятник средневековому строю, а пространство живого, почти революционного конфликта между феодальным и буржуазным началом.³⁸ Не отрицая самоидентификации Данте как аристократа и потомка рыцаря, авторы подчеркивают ‘буржуазные’ автобиографичность и психологизм юношеской книги.³⁹ Таким образом, название *Новая жизнь*, само по себе полное идеологических коннотаций для советского читателя,⁴⁰ обретает в их оптике символический смысл смены мироощущений; и даже в глазах правоверных марксистов перевод ее текста на русский выглядит теперь

³⁴ Анисимов Н. Предисловие // Фриче В.М. Очерк развития западных литератур. М., Пролетарий, 1930. С. 7.

³⁵ Нусинов И. Предисловие // Фриче В.М. Очерк развития западных литератур. М., Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. С. 4.

³⁶ Предисловие // Фриче В.М. Очерк развития западных литератур. М., Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936. С. 4.

³⁷ Ср. Там же. С. 1–4.

³⁸ О конфликте феодального и буржуазного начал у Данте в книге Дживелегова ср. Полонский В. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в.: опыты рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Литературоведческий журнал. 2015. 37. С. 128.

³⁹ Гвоздев А.А. История западноевропейской литературы. Цит. С. 63-64.

⁴⁰ Коннотации могли быть и двусмысленными: достаточно напомнить об одноименной социал-демократической газете М. Горького *Новая жизнь*, издаваемой в Петрограде в 1917-1918 гг. и полемизировавшей с большевиками; среди прочих в ней печатались А. Луначарский, Л. Каменев, Г. Зиновьев. Ср. о ней Коростелёв С. Г. Журнал *Летопись* (1915-1917) и газета *Новая жизнь* (1917-1918) в историко-культурном контексте. СПб., Дмитрий Буланин, 2015.

как возможность проиллюстрировать диалектику исторических процессов на уровне формальных структур литературного произведения.

Предисловие А.М. Эфроса

По свидетельству супруги переводчика Н.Д. Эфрос, А.М. Эфрос работал над переводом *Новой жизни*, “то оставляя, то снова возвращаясь к нему, со студенческих лет”.⁴¹ Как гласит памятная надпись на подаренном ей экземпляре, он начал его в 1912 г., а окончил в 1933, сдав в печать позднее, чем планировалось: книга должна была быть опубликована в конце 1932 г., а вышла в 1934.⁴² Как указывал сам Эфрос в письме к жене, перед сдачей книги в издательство он одновременно трудился над предисловием к роману *Актриса Фостэн* Э. Гонкура, переводом с древнееврейского *Плача Иеремии* (так и не опубликованным), корректурой второго издания *Опасных связей* Ш. Де Лакло и другими заказами – ситуация, довольно типичная для сотрудника *Academi’u*.⁴³ Кроме самих текстов, Эфрос уделял тщательное внимание и подготовке паратекстов к ним: “Говоря о редакционной работе в издательстве, – пишет М.В. Рац, – нельзя не упомянуть А.М. Эфроса, главного редактора серии *Французская литература*, [...] чьи статьи и комментарии зачастую представляют собой маленькие шедевры”.⁴⁴ Эфрос действительно больше известен как переводчик французской литературы, а также как искусствовед; предисловие же его к дантовскому тексту, озаглавленное *Молодой Данте*, стало объектом жесткой критики в рецензиях, хотя, казалось бы, соответствовало идеологическим требованиям времени больше, чем предыдущее издание М.И. Ливеровской.

Позволим себе кратко рассмотреть предисловие к *Новой жизни* 1918 г. Несмотря на то, что текст Ливеровской вышел уже после революции, он не несет печати новой идеологии. Единственное влияние политической ситуации на работу переводчицы состоит, по всей видимости, в невозможности для нее пользоваться новейшей версией подлинника.⁴⁵

⁴¹ *Эфрос Н.Д.* Абрам Маркович Эфрос: воспоминания свидетеля многих лет его жизни. М., Новый хронограф, 2018. С. 192.

⁴² Ср. Там же. С. 192, 208.

⁴³ Ср. Письмо А. Эфроса Н. Эфрос от 1 ноября 1932 г. // *Эфрос Н.Д.* Абрам Маркович Эфрос: воспоминания свидетеля многих лет его жизни. Цит. С. 206.

⁴⁴ *Рац М.В.* Издательство *Academia*. Заметки библиофила. Цит. С. 13.

⁴⁵ Не имея доступа к своей библиотеке, она обращается к немецкому критическому изданию К. Витте 1876 г. (*Alighieri D. La Vita Nuova*. Hrsg. K. Witte. Leipzig, Brockhaus,

Это неудивительно: перевод делался в разгар революции и Гражданской войны в Самаре, где Ливеровская – блестящая выпускница Санкт-Петербургского университета – вместе с несколькими другими учеными открыла отделение романо-германской филологии при Педагогическом институте, имевшем свое издательство. Поскольку в войну издательство закрылось, перевод Данте вышел в типографии Красной армии, там же, где печатались тексты политической пропаганды.⁴⁶

Переводчица поэзии трубадуров и рыцарского романа *Окассен и Николетт*, Ливеровская подчеркивает в своем введении несамостоятельность юношеской книги Данте: “весь ее материал взят им целиком от трубадуров итальянских и провансальских”.⁴⁷ Среди немногих отличий от лирики трубадуров Ливеровская выделяет мистику чисел, визионерство и выход поэзии в трансцендентное измерение, но особо оговаривает и еще одно: в основе каждого сонета находится настоящее душевное переживание, а не набор готовых куртуазных формул.⁴⁸ Тема трансцендентного в дантовском тексте почти не получает освещения в ее статье, но скорее из-за интереса исследовательницы к параллелям с лирикой трубадуров, чем из опасения перед атеистической цензурой, института которой пока просто не существовало.⁴⁹ Ливеровской как исследователю важно показать, что *Новая жизнь* стала кульминацией провансальской традиции, но при этом и подчеркнуть ее ограниченность: “*Новая жизнь* – только источник дантовской поэзии”;⁵⁰ перед образами *Божественной Комедии* “стирается то ценное, что мы находим в его первой книжке”;⁵¹ проза в последней – это “мелочный и совершенно излишний с нашей точки зрения комментарий к каждому сонету”.⁵² ‘Слабость’ *Новой жизни* по сравнению с *Комедией* соответствует, согласно Ливеровской, слабости

1876), а не к канонической редакции М. Барби 1907 г., опубликованной Дантовским обществом впервые в 1907 г. (ср. сноску 1 о переиздании 1960 г.).

⁴⁶ Все библиографические сведения о Ливеровской даются по: *Белодубровский Е.Б.* М.И. Ливеровская // Дантовские чтения 1976. / Под ред. И. Бэлзы. М., Наука, 1976. С. 119-131.

⁴⁷ *Ливеровская М.* Введение // *Алигьери Д.* Новая жизнь. Пер. М. Ливеровской. Цит. С. 9.

⁴⁸ Ср. Там же. С. 13-15.

⁴⁹ Ср. *Блюм А.* За кулисами “Министерства Правды”. Тайная история советской цензуры. СПб., 1994. С. 32-42.

⁵⁰ *Ливеровская М.* Введение. Цит. С. 20.

⁵¹ Там же. С. 21.

⁵² Там же. С. 8.

Данте как “печального и робкого трубадура”,⁵³ который умирает в тот миг, когда рождается “сильный и мужественный борец, политический деятель, готовый за родину отдать и свободу и самую жизнь”.⁵⁴ Описание этого перехода от образа робкого влюбленного к суровому героическому образу созвучно строкам В.Я. Брюсова:

Мечтательный, на девушку похожий,
Он приучался к зрелищу смертей,
Но складки на челе ложились строже.⁵⁵

Вероятно, Ливеровская была знакома с символистской рецепцией юношеской книги Алигьери, так как общалась с поэтами Серебряного века и даже подарила один из экземпляров своего перевода А.А. Блоку, автору самого известного образа Данте-певца *Новой жизни*.⁵⁶ Вместе с тем, образ Данте как народного трибуна вписывается в романтическую риторику революции, отвечая духу времени. В целом, именно этот пассаж о Данте-трибуне можно считать второй приметой реальной ‘новой жизни’ после 1917 г. в паратексте Ливеровской; в остальном же ее введение носит строго филологический характер и отражает ее научные интересы, недаром в тексте цитируются многие зарубежные дантологи, пусть и относящиеся только к XIX веку. Отсюда ясно, что переводчицу привлекает в работе возможность формальных экспериментов с текстом поэта, доведшего интересующее ее литературное течение до своего логического завершения.

Совсем иначе расставлены акценты в предисловии Эфроса, опубликованном пятнадцать лет спустя. Рассмотрим ниже три наиболее интересных, с нашей точки зрения, аспекта его паратекста, отражающих как стратегии *captatio benevolentiae* для институтов сталинской цензуры и рецензентов, так и личные предпочтения самого переводчика.

1. Пушкин как модель для разговора о Данте. Если Ливеровская выделяет несамостоятельность *Новой жизни* и ее вторичное положение по

⁵³ Там же. С. 18.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Брюсов В.Я. Данте // Брюсов В.Я. Избранные сочинения: В 2-х т. М., ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 98.

⁵⁶ Напомним, что в том же 1918 г., когда вышел перевод Ливеровской, Блок занес в свою записную книжку идею заполнить пробелы между строками *Стихов о Прекрасной Даме* автобиографическими комментариями по образцу *Новой жизни*. Ср. Блок А.А. Записные книжки. М., Художественная литература, 1965. С. 423. Ср. Хлодовский Р.Д. Блок и Данте (К проблеме литературных связей) // Данте и всемирная литература. М., Наука, 1967. С. 183; Асоян А.А. Данте в русской культуре. М., Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 179.

отношению к *Комедии*, то Эфрос начинает с утверждения, что, даже если бы Данте не успел написать ничего, кроме *Новой жизни*, он все равно остался бы крупнейшим поэтом своего времени.⁵⁷ Внимания в книге, по мнению переводчика, заслуживает даже проза: в то время как Ливеровская указывает на бессмысленность прозаического комментария, Эфрос замечает: “Искусство прозы, проявленное Данте в *Новой жизни*, огромно. Оно крепкой оправой охватывает стихи, распределяет их по местам, дает им освещение”.⁵⁸ Превознося достоинства *Новой жизни*, Эфрос проводит необычное сравнение молодого Данте с молодым Пушкиным, причем не ограничивается сопоставлением этих двух авторов, но проводит аналогию и между их литературными контекстами:

Здесь произошло то же, что случилось у нас около 1820-го года, когда молодой Пушкин вдруг заслонил собой и Жуковского, и Батюшкова. Там роль Жуковского играл Гвиницелли, а Батюшкова – Кавальканти [...] между ним и ими сказывалось то же различие поэтического качества, которое в русской поэзии было между зрелой талантливостью *Двенадцати спящих дев* и зарницами гения в *Руслане и Людмиле*, и между убедительной прелестью батюшковской *Вакханки* и потрясающей красотой пушкинских строк тех же лет...⁵⁹

Очевидно, это сравнение не случайно, так как Эфрос возвращается к нему и в другом разделе предисловия, вплоть до того, что называет Лапо Джанни “‘Кюхлей’ *dolce stil novo*”,⁶⁰ Дино Фрескобальди – “Дельвигом, середкой на половинку”,⁶¹ и, наконец, заявляет, что в среднем цикле стихов *Vita nova* появляется “ясная легкость языка; сонеты приобретают прозрачную простоту, в которой наш русский поэтический слух улавливает какую-то родственность звучанию пушкинской речи”.⁶² Далее же он указывает, что именно в этих сонетах Данте достигает уровня, о котором герой *Комедии* рассказывает Бонаджунте Орбиччани в 50-м стихе XXIV песни *Чистилища*: сама любовь диктует ему поэтические строки.⁶³

⁵⁷ Эфрос А. Молодой Данте // Данте. *Vita Nova*. Пер. А. Эфроса. Цит. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 45-46.

⁵⁹ Там же. С. 10-11.

⁶⁰ Там же. С. 53.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 54.

⁶³ Здесь Эфрос приводит искаженную цитату из *Комедии* и собственный перевод ее на русский: “...Io mi son un che quando – Amore spiro, noto; ed a quel modo – Ch’ei detta dentro, vo significando...” – “Я емь тот, кто таинство любви – Умеет словом выразить; кто знает, – Как изъяснить, что бодрствует в крови...” (Purg. XXIV, 50). Ср. Там же. С. 55. На самом деле, речь идет о 52-54 стихах той же песни, в канонической версии звучащих так: “I’ mi son un che, quando / Amor mi spira, noto, e a quel modo / ch’ e’ ditta dentro vo

Говоря о стилистической прозрачности центральных сонетов *Новой жизни*, Эфрос почти дословно повторяет пассаж из книги Данте Дживелегова, приведенный нами в предыдущем разделе. Однако к характеристике Дживелегова Эфрос добавляет собственное сравнение языка сонетов Данте с языком Пушкина, которое вписывается в дискуссию о литературном языке, разворачивающуюся в газетах в 1934 г., и становится, таким образом, дополнительным аргументом в пользу издания нового перевода.

Если “пушкинская, классическая линия должна была [...] найти свое продолжение и достичь апогея в соцреализме”,⁶⁴ то средневековый текст, следующий, хотя бы отчасти, этой линии, несомненно, был достоин переводческой рецепции в соцреалистической культуре. С другой стороны, использование образов юного Пушкина и его лицейских товарищей в качестве биографических моделей для молодого Данте и поэтов его круга также могло служить канонизации Данте не как автора *Комедии*, а именно как поэта *Новой жизни*.⁶⁵ Наконец, сравнение Данте с Пушкиным работало в обе стороны: если пушкинским стихам уподоблялись именно те сонеты, которые можно было охарактеризовать словами о диктате любви, сказанными героем поэмы Бонаджунте, то эти же слова можно было отнести и к поэзии самого Пушкина, выводя ее таким образом на уровень мировой классики любовной лирики. Сравнение с русским автором, несомненно, несло и отпечаток профессиональных интересов Эфроса, одним из основных трудов которого Н.Д. Эфрос называет книгу, посвященную живописи Пушкина, *Рисунки поэта*, вышедшую в 1930 г.⁶⁶

significando” (досл. перевод: “Я один из тех, кто, когда Любовь вдохновляет его, записывает, и таким образом я означаю то, что она диктует внутри”). Цитируется по изданию, представленному на сайте Итальянского Дантовского общества: *Alighieri D. La Commedia secondo l'antica vulgata. A cura di G. Petrocchi. Firenze, Casa Editrice Le Lettere, 1994. Vol. 3* <<https://www.danteonline.it/opere/index.php>>.

⁶⁴ Гюнтер Х. Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932-1940. Цит. С. 258.

⁶⁵ Интерес к молодому Пушкину в СССР 1930-х гг. отражался даже в массовой культуре: так, всего через три года после издания *Новой жизни*, в разгар торжеств пушкинского юбилея 1937 г., на большом экране был показан фильм *Юность поэта*, имевший огромный успех. Ср. о нем *Ефимов Н.Н.* Биографические фильмы о Пушкине // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1967. Т. 5. С. 305-315.

⁶⁶ *Эфрос А.* Рисунки поэта: [Пушкин]. М., Федерация, 1930; ср. *Эфрос Н.Д.* Абрам Маркович Эфрос: воспоминания свидетеля многих лет его жизни. Цит. С. 190.

2. Антиакадемизм. Следует отметить, что, несмотря на редактирование тома автором первой советской монографии о Данте, статья Эфроса носит гораздо менее академический характер, чем введение Ливеровской, что для изданий *Academi 'u* в серии *Итальянская литература* скорее не характерно. Во-первых, он использует в ней публицистический стиль с элементами разговорного и даже просторечия. В частности, он пишет, что во времена Данте итальянские “коммуны пытались быть именниками и на Антона, и на Онуфрия”,⁶⁷ называет Чимабуэ и Джотто “великими уродами”,⁶⁸ партийные раздоры во Флоренции – “чортовым кружевом удач и несчастий”,⁶⁹ а саму *Новую жизнь* – “фундаментом и вышкой” *Божественной Комедии*.⁷⁰ Эфрос словно пытается заигрывать с массовым читателем, объясняя далекие от него культурные явления понятным ему языком, вплоть до применения терминов из политического жаргона тридцатых: так, дворян Флоренции 1292 г. он определяет как “раскулаченных патрициев”.⁷¹ С одной стороны, демократичностью своего слога Эфрос, очевидно, пытается подчеркнуть близость к народу предмета, о котором пишет: “Дружба Данте и Джотто развивалась уже тогда, когда ‘сладостный новый стиль’ стал демократически перерождаться. Приятельствование обоих величайших мастеров Дуеченто – своего рода символ ‘гвельфского опрощения’”.⁷² С другой стороны, в соответствии со сказанным в предыдущем разделе, стиль статьи Эфроса может выполнять не только дидактическую, но и защитную функцию, доказывая честность намерений ее автора, который не пытается провести чуждую идеологию.

Во-вторых, неакадемический характер статьи Эфроса проявляется в том, что он не цитирует в ней почти ни одного авторитетного дантолога, хотя приводит их фамилии в примечаниях, и даже не указывает оригинального издания, с которого выполняется перевод. Зато, в отличие от Ливеровской, его статья содержит отдельный раздел, посвященный политической ситуации во Флоренции времен Данте: без таких разделов не обходится теперь ни одна вступительная статья к переводам, издаваемым в *Academi 'u*, но Эфрос находит нужным подчеркнуть, что в случае с Данте все фазы его личной и творческой биографии особенно “правдиво

⁶⁷ Эфрос А. Молодой Данте. Цит. С. 19.

⁶⁸ Там же. С. 29.

⁶⁹ Там же. С. 18.

⁷⁰ Там же. С.12.

⁷¹ Там же. С. 23.

⁷² Там же. С. 29-30.

и убедительно размещаются по этапам социально-политических событий 1280-х годов”.⁷³ Даже направление сладостного нового стиля Эфрос напрямую связывает с политической фракцией, называя его “поэтической школой гвельфского преобладания”⁷⁴ и сравнивая с “поэзией низших цехов”⁷⁵ Чекко Анджолиери и Гвидо Орландо. Здесь Эфрос вновь сближается с Дживелеговым, утверждая, что и поэзия Данте, и весь сладостный новый стиль, развивались в направлении этих народных поэтов. В их описании Эфрос использует риторику, близкую той, что в печати начала тридцатых годов употреблялась в отношении пролетарской литературы: “низовики умели кусать больно”,⁷⁶ не боясь смеяться над главными мэтрами *dolce stil novo*.

3. Эротический порыв вместо мистического экстаза. Хотя в политическом разделе Эфрос в общих чертах пытается придерживаться марксистского подхода к истории литературы, он, в отличие от Фриче, не связывает не только *Новую жизнь*, но и весь сладостный новый стиль с закатом феодализма, что позволяет ему целиком избежать разговора об аскетизме и почти целиком – о теологии. Если Ливеровская усматривает в выходе в трансцендентное измерение одно из главных отличий *Новой жизни* от лирики трубадуров, то Эфрос не говорит о нем вовсе. От провансальской традиции сладостный новый стиль отличается, по его мнению, лишь тем, что объективная дистанция между поэтом и воспеваемой им замужней дамой у трубадуров во флорентийской лирике сменяется условной. Однако условна она не потому, что дама обладает свойствами неземного создания, а потому, что она является объектом мечты, образ ее идеализирован и включен в “систему эротических абстракций”.⁷⁷ Эфрос характеризует эту систему уклончивыми выражениями: “поэтическая фикция”, “идеалистическое резонерство”, “светозарный и недоступный облик возлюбленной”, “слишком большая поэтичность”, “условность эротической игры”.⁷⁸ Ничто в них не указывает на специфику *Новой жизни* как сочетания религиозного и куртуазного жанров, которое описывается автором современной *Дантовской энциклопедии* или даже Ливеровской; те же характеристики можно было бы отнести и к *Стихам о Прекрасной даме* Блока. Эфрос ни словом не говорит о житии, ни разу не употребляет

⁷³ Там же. С. 47.

⁷⁴ Там же. С. 24.

⁷⁵ Там же. С. 25.

⁷⁶ Там же. С. 25.

⁷⁷ Там же. С. 32-33.

⁷⁸ Там же. С. 33-37.

прилагательного “мистический”, “католический” или “библейский”. Только в самом конце предисловия кратко упоминается дантовская “погруженность в теологию”⁷⁹ в контексте размышлений о Беатриче и подчеркивается схоластичность прозаического комментария, знаменующего возврат к средневековой традиции.

Сам же внутренний конфликт Данте как фигуры, пограничной между Средними веками и Возрождением, раскрывается им, в первую очередь, не как противоречие между феодальной аскетической и ‘здоровой’ буржуазной моралью (как, например, в учебнике Гвоздева), но как борьба между условными схемами куртуазной поэтики и настоящим эротическим влечением: “Данте не хотел нарушить норм этикета, но и не мог поступиться влечениями сердца. Это – первое в истории европейской культуры раздвоение личности, которое ею самой было понято и прочувствовано”.⁸⁰ У Ливеровской также присутствует тезис о том, что, кроме религиозного компонента, *Новую жизнь* от предшествующей традиции отличает подлинность чувства. Однако Эфрос акцентирует внимание на эротическом переживании, “неистойвой любовной пламенности”,⁸¹ которая в его трактовке обретает ключевую роль в разработке новых поэтических форм, преодолевающих модели предшествующей лирики.

Эфрос не дает никаких нравственных оценок ‘изменам’ Данте, не проводит грани между тягой Данте к Биче Портинари и к другим доннам, так как, исключив мистическое измерение, не трактует эротическое переживание в платоновском смысле как путь к духовному прозрению. По его мнению, женщины, близкие Данте, помимо его жены и возлюбленной, только придают “идеальному образу Беатриче жизненную и даже бытовую основу”.⁸²

Эта трактовка становится понятнее в контексте других работ Эфроса, в частности, паратекста к его первой серьезной публикации – переводу *Песни песней Соломона*.⁸³ Послесловие Эфроса к переводу открывается цитатой из *Братьев Карамазовых*, где “сладострастное насекомое, старик Карамазов”,⁸⁴ дарит Грушеньке тридцать сотенных кредиток. описа-

⁷⁹ Там же. С. 59.

⁸⁰ Там же. С. 56.

⁸¹ Там же. С. 36.

⁸² Там же. С. 41.

⁸³ Песнь песней Соломона. Пер. А. Эфроса, пред. В. Розанова. СПб., Пантеон, 1909. Этот текст вышел всего за три года до начала работы переводчика над *Новой жизнью*.

⁸⁴ Эфрос А. [Послесловие] // Песнь песней Соломона. Пер. А. Эфроса. Цит. С. 83.

ние подготовки этого подарка Эфрос называет переводом языка *Песни песней* на карамазовский язык.⁸⁵ Далее Эфрос кратко пересказывает историю определения жанра *Песни песней*, включения ее в канон *Священного Писания* и исключения из него и ставит главный вопрос: является ли этот текст историей похоти или божественного откровения – “от Иеговы [он] или от Карамазова?”⁸⁶

Однозначного ответа переводчик не дает, но его идея угадывается в первом разделе послесловия, где он сближает между собой влечение Карамазова, любовь божественного Возлюбленного из *Песни песней* и страсть царицы Саломеи⁸⁷ по признаку одной и той же силы, ведущей к смерти.⁸⁸

На одном страстном ложе томятся оба, в одном трепете бьются, оба глянули в глаза одной смерти, обвеяны одним холодным крылом. Как Саломея, дочь Иродианы, царица иудейская, – они подошли к той черте, где между любовью и смертью стертые ступени. И Карамазов потому повторил Песнь Песней, что на него, как на Возлюбленного, как на царицу Саломею, пахнуло зноем крови, раскаленной, дымящейся, ищущей выхода, хотя бы в смерть. Говорят, что Песнь Песней – Божье слово.⁸⁹

В остальной части статьи Эфрос как будто иронизирует над попыткой исследователей отнести *Песнь Песней* к тому или иному этическому полюсу. Само противоречие существует для него лишь на уровне риторики (библейской или карамазовской), но снимается на уровне правды переживания, лежащей в основе сюжета и у Достоевского, и в *Песни Песней*. И если последняя – “Божье слово”, то и карамазовская страсть, и страсть Саломеи несут в себе равное сакральное достоинство.

⁸⁵ Ср. Там же.

⁸⁶ Там же. С. 85.

⁸⁷ Упоминание Саломеи может отсылать и к популярной тогда трагедии О. Уайльда в эротической постановке под названием *Царица* Н. Евреинова, запрещенной за год до публикации перевода (в 1908 г.). Ср. *Эткинд А.* Эрос невозможного. М., Гнозис-Прогноз-комплекс, 1994. С. 121.

⁸⁸ Эти замечания переводчика вписываются в общий сложный дискурс о связи Эроса и Танатоса в литературе Серебряного века, анализ которого не входит в задачи настоящей работы. Так, в том же 1909 г. Вяч. Иванов выпустил сборник *По звездам*, где писал: “Страсть и смерть связаны соотношением; но на обеих стоят стопы Эроса, из обеих встает Любовь, кровно-родная и чуждая обеим”. Ср. *Иванов В.* По звездам. СПб., Оры, 1909. С. 64. Однако, если Иванов разделяет здесь категории Любви и страсти, то в обоих паратекстах Эфроса этого разграничения не обнаруживается.

⁸⁹ *Эфрос А.* [Послесловие]. Цит. С. 84.

На основании этого текста можно предполагать, что эротические переживания Данте не делятся им на выводящие к небесному откровению и замыкающие в земной действительности, на спасение и соблазны, не столько потому, что этого бы не допустила активно действующая атеистическая цензура тридцатых, сколько потому, что в глазах самого автора эротическое влечение представляло ценность безотносительно его направленности.⁹⁰ Впрочем, место, уделяемое в статье Эфроса эротической составляющей дантовского текста, в любом случае выглядело провокационно, учитывая, что еще совсем недавно рапповцы вели яростную кампанию против мотивов плотской любви в западной литературе, борясь с “сексуализмом и мистической абракадаброй”.⁹¹ Отказ от эротизма сами критики объясняли не ханжеством, а тем, что через дискурс любовного влечения утверждается неизменность человеческой природы во все времена, а это равноценно признанию того, что революция не в силах изменить сознание человека.⁹²

Рецензии на издание *Новой жизни* показали, что сместить фокус с мистического переживания на эротическое было явно недостаточно для одобрения критики. Пытаясь адаптировать статью к цензурным требованиям и одновременно акцентировать внимание на интересующем его самом аспекте, Эфрос потерпел неудачу, отчасти объяснимую тем, что статья была написана на этапе перехода от ‘вульгарно-социологической’

⁹⁰ Интересно, что Эфрос выпустил также сборник эротической лирики: *Эфрос А. Эротические сонеты*. М., 7-я типография Мосполиграф, 1922. Отметим, что, хотя интерес Эфроса к теме связи плотской любви и смерти и вписывается в общую модернистскую традицию, Эрос в творчестве Данте оценивается им иначе, чем у Вяч. Иванова и Д. Мережковского, интерпретирующих влечение в *Новой жизни* в неоплатоническом ключе как условие выхода в трансцендентное (можно сказать, что Беатриче воспринимается ими как символ той самой Любви, что выше и смерти, и страсти, хотя и связана с обеими). Кроме того, Мережковский не отказывается от этической оценки дантовских влечений. Ср. *Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante*. Cit.; *Шишкин А. Пламенеющее сердце в поэзии Вячеслава Иванова и дантовское видение “Благословенной жены”*. Cit.; *Landa K. Le citazioni di Dostoevskij negli studi danteschi del simbolismo russo: il caso di Dmitrij Merežkovskij // Parole rubate*. 2023. 28. P. 157-179.

⁹¹ Ср. *Гельфанд М. Чей Фронт? // Интернациональная литература*, 8 (1931). С. 167.

⁹² Ср. Там же. С этим же, в частности, была связана и кампания против фрейдизма в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг.: “И психоанализ, и формализм, признающие неосознаваемую человеком законосообразность его чувств и дел, оба накладывали ограничения на самую возможность преобразования человека”. Ср. *Эткинд А. Эрос невозможного*. Cit. С. 318.

к соцреалистической критике и в итоге не удовлетворила ни одну из сторон. В наиболее суровой из рецензий, озаглавленной *Изысканно-опошленный Данте*, В. Пуцина (раскритиковавшего, впрочем, и книгу Дживелегова), прямо заявлялось, что “дело изучения Данте, величайшего представителя целой огромной культурной эпохи, сосредоточивается в чужих руках”,⁹³ так как “Работа Эфроса является немарксистской по своему методу и содержанию”.⁹⁴ Основные претензии Пуцина к Эфросу состояли в том, что последний слишком поверхностно характеризует политическую ситуацию в дантовской Флоренции, не признает классовой борьбы в основе социальных процессов в истории Италии и усматривает дантовскую двойственность лишь в расхождении между литературным образом Данте и его реальной биографией. Невзирая на почти полное опущение Эфросом темы трансцендентного, Пуцин считал призыв Эфроса просто наслаждаться поэзией Данте, не ища ей идеологических оправданий, “далеко не ‘простодушным’ навязыванием советскому читателю всего того, что бесповоротно умерло в поэзии Данте, в том числе и средневековой мистики”.⁹⁵

Рецензия Пуцина перекликалась с рецензией академика А.И. Белецкого, позднее написавшего предисловие к изданию *Ада* в переводе М.Л. Лозинского 1940 г.⁹⁶ Последняя была выдержана в менее резких тонах, однако и в ней звучала претензия к интерпретации дантовской двойственности, чьи классовые причины, согласно Белецкому, в статье так и не

⁹³ Пуцин В. *Изысканно-опошленный Данте* // Книга и пролетарская революция. 1935. 3. С. 87.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. Казалось бы, эти упреки шли вразрез с новой тенденцией в советской критике, отошедшей от ‘вульгарного социологизма’, однако номер журнала *Художественная литература* за 1935 год, где поместили еще одну рецензию на работу Эфроса, открывался программной статьей Н. Глаголева, где подчеркивалась необходимость не пересердствовать в борьбе с последователями Фриче в свете обострения внутренней политической ситуации из-за недавнего убийства Кирова. Глаголев указывал на недопустимость для советского критика считать писателя свободным от принципа партийности и любых мировоззренческих рамок – собственно, это то же, за что Пуцин упрекает Эфроса. Таким образом, рецензию Пуцина нельзя назвать исключением. Ср. Глаголев Н. Новое в советской литературе // *Художественная литература*, 2 (1935). С. 1.

⁹⁶ Белецкий А.И. Молодость Данте // *Художественная литература*, 2 (1935). С. 50-53. Отметим, что сам Лозинский в письме к Б. Грифцову сетовал на “ужасные ошибки”, которыми “изобилует” комментарий Белецкого. Ср. цитату из письма здесь: Ланда К. *Божественная Комедия* в зеркалах русских переводов. К истории рецепции дантовского творчества в России. Цит. С. 375.

были выяснены. В то же время, Белецкий упрекал Эфроса за стиль: несмотря на использование некоторых штампов новояза, статья остается недоступной для неподготовленных читателей, так и не приближая их к пониманию того, какую роль играет творчество Данте “на данном этапе нашего строительства”.⁹⁷ Работе Эфроса не удалось убедить ученого в том, что *Новая жизнь* может быть актуальна для советской аудитории. Признавая достоинства перевода, Белецкий, однако, заключал: “При всем значении *Новой жизни* в творчестве Данте все же не с нее, а с *Божественной комедии* следует начинать изучение великого поэта эпохи грандиозного социального перелома”.⁹⁸

Таким образом, ни сопоставление молодого Данте с молодым Пушкиным, ни почти полный отказ от употребления слов с религиозной семантикой, ни нарочито примитивный язык, ни даже историко-политический экскурс не вызвали сочувствия у критиков. Для филологов паратекст Эфроса невыгодно отличался своими вульгаризмами и недостатком ссылок на источники от других статей *Academi*’и, а для марксистов, следовавших заветам Фриче, был недостаточно политизирован. *Новая жизнь*, очевидно, не могла быть вписана в новую жизнь на тех же правах, что и *Комедия*, и если ее перевод (в отличие от тех же *Цветочков Франциска Ассизского*) и мог быть оправдан, то только в рамках канонизации Данте как политического поэта. Тем не менее, сам перевод Эфроса вошел в состав хрестоматии по западной средневековой литературе Н.Д. Шор 1936 г.⁹⁹ Впрочем, в переиздании хрестоматии 1938 г. Фамилия автора перевода при тексте указана не была,¹⁰⁰ что объясняется, скорее всего, арестом Эфроса в 1937 г. и последовавшей за ним трехлетней ссылкой.¹⁰¹

⁹⁷ Белецкий А.И. Молодость Данте. Цит. С. 53.

⁹⁸ Там же. С. 54.

⁹⁹ Алигьери Д. Новая жизнь. Пер. А. Эфроса // Хрестоматия по западноевропейской литературе: Для высших педагог. учебных заведений. Литература средних веков. (IX-XV в.в.). В 3 т. / Сост. Р. О. Шор. М., Учпедгиз, 1936. Т. 1. С. 397-412.

¹⁰⁰ Алигьери Д. Новая жизнь // Хрестоматия по западноевропейской литературе: Для высших педагог. учебных заведений. Литература средних веков. (IX-XV в.в.). В 3 т. / Сост. Р. О. Шор. М., Учпедгиз, 1938. Т. 1. С. 432-448.

¹⁰¹ Ссылку Эфрос отбывал в Ростове Великом, где продолжал работать над переводами Петрарки, трудами по искусствоведению и статьями о французских авторах для *Литературного наследства*. Ср. Эфрос Н.Д. Абрам Маркович Эфрос: воспоминания свидетеля многих лет его жизни. Цит. С. 235-255.

Abstract

“Vita nuova” in the new life. Dante’s youthful book in Stalin’s Russia

“Vita Nuova” was translated into Russian for the first time in 1895 by Al. P. Fedorov. The second translation was published in 1918 after the Revolution by Maria Liverovskaya, while the Academia publishing house made a publication of the third translation in 1934, at the beginning of the Stalinist era, by Abram Efros. The present article analyses Abram Efros’s preface to his translation of “Vita Nuova” in the context of Academia publishing house work, didactic literature of the 1930s and Stalinist critical reviews. The aim of this article is to find out the strategies of the introduction of Dantean text, considered by Italian scholars as a combination of biblical, hagiographic and courtly genres, in Stalinist culture of the early 1930s.

Keywords: Dante Alighieri, “Vita Nuova”, Stalinist culture, Soviet translations, the Academia publishing house, Abram Efros, Maria Liverovskaya.